

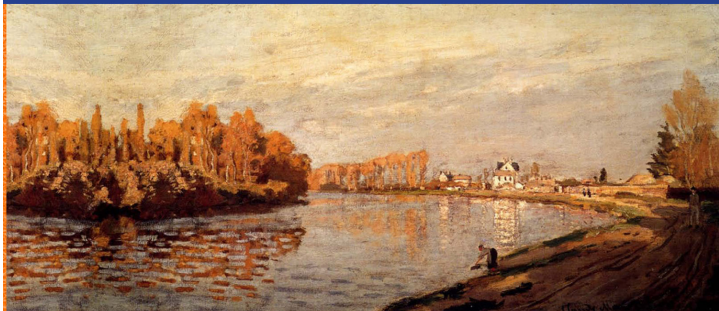

Ги де Мопассан

Монт-Ориоль

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

Ги де Мопассан

Монт-Ориоль

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132103

Пышка: Эксмо; Москва; 2002

ISBN 978-5-4467-0715-7

Аннотация

«Я вошел в литературу, как метеор», – шутливо говорил Мопассан. Действительно, он стал знаменитостью на другой день после опубликования «Пышки» – подлинного шедевра малого литературного жанра. Тема любви – во всем ее многообразии – стала основной в творчестве Мопассана. В романе «Монт-Ориоль» любовные коллизии развиваются на фоне модного курорта. Произведение входит в авторский сборник «Пышка».

Содержание

Часть первая	4
ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ги де Мопассан

Монт-Ориоль¹

Роман

Часть первая

ГЛАВА I

Первые посетители водолечебницы, ранние пташки, уже успели принять ванну и медленно прогуливались парами или в одиночку под высокими деревьями по берегу ручья, бежавшего из Анвальского ущелья. Другие только еще пришли из села и торопливо, с озабоченным видом входили в ванное заведение. Оно помещалось в просторном здании, нижний этаж которого предназначался для лечения теплыми водами, а в верхнем расположились казино, кофейная и бильярдная.

Несколько лет тому назад доктор Бонфиль открыл в глуши Анваля большой источник, окрестив его своим именем — источник Бонфиля, и тогда местные землевладельцы, робкие коммерсанты, соблазнились барышами и построили в этой красивейшей долине, дикой и все же веселой, среди ореховых и каштановых рощ большой дом, предназначив его для

двойкой цели – для лечения и для развлечения больных: внизу торговали минеральной водой, душами и ваннами, а наверху – пивом, крепкими напитками и музыкой.

Огородив часть долины по берегам ручья, превратили ее в парк, необходимую принадлежность каждого курорта; проложили в этом парке три аллеи – одну почти прямую, а две с поворотами и извивами; отвели воду из основного источника, и она забурлила в конце главной аллеи в большом цементном водоеме под сенью соломенной кровли и под надзором флегматичной женщины, которую все запросто называли Марией. Спокойная, невозмутимая овернка, в белоснежном чепчике и в широком, всегда опрятном фартуке, почти совсем закрывавшем ее форменное платье, неторопливо поднималась, заметив приближающегося больного. Разглядев, кто идет, она отыскивала в стеклянном шкафчике-вертушке нужный стакан и осторожно наполняла его, зачерпнув воды цинковым ковшиком, насаженным на палку.

Уныло улыбнувшись ей, больной выпивал воду и, возвращая стакан, говорил: «Спасибо, Мария»; затем поворачивался и уходил. Мария снова садилась на соломенный стул и поджидала следующего.

Впрочем, народу на Анвальском курорте было немного. Он открылся для больных только шесть лет тому назад, но и на седьмом году своего существования насчитывал их не больше, чем в начале первого года. Приезжало сюда человек пятьдесят, да и тех главным образом привлекала краси-

вая местность, очаровательное селенье, приютившееся под огромными деревьями с кривыми стволами в три обхвата, и прославленные ущелья в начале этой необычайной долины, которая выходит на широкую равнину Оверни, а другим концом упирается в горный кряж, вздымающий бугры потухших вулканов, и превращается там в дикую, великолепную расселину, где громоздятся обвалившиеся гранитные глыбы, а другие угрожающе нависают, где бежит быстрый ручей, низвергаясь с исполинских камней и разливаясь маленьким круглым озерком перед каждой из этих преград.

Свою деятельность курорт начал, как и всякий курорт, брошюрой, в которой автор ее, доктор Бонфиль, всячески прославлял свой источник. Во вступительной части он воспевал в пышном и чувствительном стиле альпийские красоты Анваля, употребляя только высокопарные, трескучие и пустые эпитеты. Все окрестности именовались живописными, изобиловали грандиозно-величественными видами или очаровательно-мирными пейзажами. Все ближайшие места прогулок носили на себе печать изумительного своеобразия, могли поразить воображение художников и туристов. И вдруг, без всякого перехода, начиналось восхваление целительных свойств источника Бонфиля, насыщенного углекислым газом, содержащего двууглекислую соду, смешанные соли, литиевые и железистые соединения, и так далее и так далее, способного излечивать всевозможные болезни. И доктор Бонфиль тут же перечислял их под рубрикой: «Хро-

нические и острые заболевания, специально излечиваемые в Анвале»; длиннейший список этих недугов, врачуемых в Анвале, отличался удивительным разнообразием и был утешителен для больных всех категорий. Брошюра заканчивалась полезными сведениями об условиях жизни в Анвале: о ценах на квартиры, на съестные припасы и на номера в гостиницах. В Анвале уже было три гостиницы, появившиеся одновременно с увеселительно-лечебным заведением: новенький «Сплендид-отель», построенный на склоне долины, повыше здания ванн, гостиница «Горячие ключи» – бывший постоялый двор, заново оштукатуренный и побеленный, и гостиница «Видаё», устроенная очень просто: содержатель ее купил три смежных домика и, пробив в них стены, соединил в одно целое.

А затем вдруг в один прекрасный день в Анвале оказались два новых врача, неизвестно откуда взявшихся, как будто выскочивших из источника, наподобие пузырьков газа, – как обычно и появляются врачи на курортах; это были доктор Онора, коренной овернец, и парижанин доктор Латон. Между доктором Латоном и доктором Бонфилем сразу же возгорелась лютая вражда, а доктор Онора, толстый, опрятный, гладко выбритый человек, всегда улыбающийся и покладистый, протягивал одному своему коллеге правую руку, другому левую и жил с обоими в добром согласии. Однако хозяином положения был доктор Бонфиль, носивший звание инспектора источников и главного врача курорта «Анваль-

ские теплые воды».

Это звание было его силой, а ванное заведение – его вотчиной. Он проводил там целые дни и, по слухам, даже ночи. По утрам он раз сто бегал из своего дома, находившегося на ближнем краю села, в свой врачебный кабинет, устроенный в лечебнице справа от входа, в самом начале коридора. Засев там, как паук в паутине, он подстерегал всех входящих и уходящих, надзирая за своими больными строгим взором, а за чужими – свирепым. Он всех окликал и допрашивал властным тоном капитана в океанских широтах и на новичков нагонял страх или же вызывал у них усмешку.

И вот однажды утром, когда он, по обыкновению, мчался в лечебницу так стремительно, что длинные полы его потертого сюртука развевались, как два крыла, его внезапно остановил чей-то голос:

– Доктор!

Бонфиль обернулся. Его испитое лицо, изрытое неприятными морщинами, такими глубокими, что они казались черными, окаймленное запущенной бородой с проседью, дрогнуло, сиюсь изобразить улыбку; он торопливо снял шелковый цилиндр, потрепанный, засаленный цилиндр, весь в пятнах, прикрывающий длинные косицы черных седоватых волос – грязноватых волос, как ехидничал доктор Латон, – и, сделав шаг, пробормотал с низким поклоном:

– Доброе утро, маркиз. Как вы себя чувствуете сегодня?

Выхоленный пожилой господин небольшого роста, мар-

киз де Равенель, протянул врачу руку и ответил:

– Очень хорошо, доктор, хорошо или, во всяком случае, неплохо. Поясница еще ноет, но мне уже лучше, гораздо лучше, а я ведь принял пока только десять ванн. В прошлом году действие лечения сказалось лишь после шестнадцатой ванны. Вы помните?

– Как же, как же!

– Но я не об этом хотел с вами поговорить. Сегодня утром приехала моя дочь, и я решил сразу же посоветоваться с вами, потому что моему зятю, господину Андермату... Вильям Андермат – банкир, слышали?

– Да, конечно.

– Так вот, моему зятю дали рекомендательное письмо к доктору Латону. Но я доверяю только вам одному и прошу вас оказать мне любезность зайти в отель, пока еще... Ну, вы понимаете? По-моему, лучше сказать все откровенно... Вы сейчас свободны?

Доктор Бонфиль, взволнованный, встревоженный, надел цилиндр и ответил:

– Да, я свободен. Вам угодно, чтоб я сейчас пошел с вами?

– Разумеется.

И, повернув вспять от лечебницы, они быстрым шагом пошли по закругленной аллее к «Сплендид-отелю», построенному на горе для привлечения приезжих широким видом, открывавшимся оттуда.

Поднявшись на второй этаж, они вошли в гостиную,

смежную с комнатами двух семейств – Равенелей и Андерматов; маркиз оставил там врача одного и отправился за дочерью.

Вскоре он вернулся вместе с нею. Это была совсем еще молоденькая белокурая женщина, миниатюрная, бледная и очень хорошенькая; в чертах ее лица было что-то детское, но голубые глаза смотрели на людей открыто и смело, и этот твердый, решительный взгляд придавал необыкновенную привлекательность и своеобразие всему ее изящному, хрупкому облику. Ничего серьезного у нее не было: неопределенное недомогание, приступы тоски, иногда беспричинные слезы, беспричинная раздражительность – словом, малокровие.

А главное, ей хотелось иметь ребенка, но ребенка не было, хотя она уже третий год была замужем.

Доктор Бонфиль заверил, что анвальские воды обладают всемогущими свойствами, и тотчас принялся строчить предписание.

Все рецепты доктора Бонфиля имели грозный вид обвинительного акта. Перечень лекарств, разбитый на многочисленные параграфы, по две, по три строчки в каждом, выстраивался на большом листе линованной бумаги, исписанной его торопливым почерком, чернея рядами колючих, как пики, остроконечных букв.

Микстуры, пилюли, порошки, которые предписывалось принимать утром натощак, в полдень или вечером, следова-

ли друг за другом свирепыми отрядами.

Казалось, они возглашали: «Ввиду того, что г-н Имярек страдает хронической, неизлечимой, смертельной болезнью, он обязан принимать:

1) Сернокислый хинин, от которого он оглохнет и потеряет память.

2) Бромистый калий, от которого у него испортится желудок, ослабеют умственные способности, по лицу пойдут прыщи, а дыхание станет зловонным.

3) Йодистый калий, который иссушит все железы внутренней секреции, необходимые как для деятельности мозга, так и для прочих функций организма, и очень быстро превратит больного в слабоумного импотента.

4) Салициловый натрий, целительное действие которого еще не доказано, зато он, по-видимому, обеспечивает больному скоропостижную кончину.

А помимо сего, прописывается ему:

Хлорал, приводящий к сумасшествию, белладонна, вызывающая слепоту, всякого рода растительные настои, всякого рода минеральные смеси, кои портят кровь, подтачивают все органы, разъедают кости и убивают тех, кого пощадила болезнь».

Он строчил долго, исписал одну сторону листа, потом другую и наконец поставил свою подпись, как судья, вынесший смертный приговор.

Молодая женщина, сидя напротив доктора Бонфиля,

смотрела на него, и губы ее морщились от еле сдерживаемого смеха.

Как только он вышел, отвесив низкий поклон, она схватила измаранный чернилами лист, скомкала, бросила в камин и дала наконец волю веселому смеху:

– Ах, папа, где ты нашел это ископаемое? Какое чучело, настоящее огородное пугало! Нет, это только ты можешь... Разыскал где-то лекаря прошлого века. Ох, до чего ж он умерительный!.. А грязный какой, грязный!.. Право, страшно будет взять ручку, которой он писал! Наверно, он ее испачкал...

Вдруг отворилась дверь, раздался голос Андермата:

– Пожалуйста, доктор, – и появился доктор Латон. Высокий, сухощавый, подтянутый, неопределенного возраста, одетый по моде, с высоким шелковым цилиндром в руке – отличительным признаком врачей на овернских курортах, – этот парижский доктор с гладко выбритым лицом напоминал актера, приехавшего на дачу.

Растерявшийся маркиз де Равенель не знал, что делать, что сказать, а дочь его, прикрыв рот платком, внезапно закашлялась, чтобы не расхохотаться в лицо этому второму доктору. Латон непринужденно поклонился и сел по безмолвному приглашению молодой хозяйки. Андермат, который вошел вслед за ним, пространно описал состояние здоровья своей жены, все ее недомогания со всеми симптомами, изложил мнение парижских врачей и свое собственное,

подкрепляя его особыми соображениями и с легкостью жонглируя медицинскими терминами.

Это был совсем еще молодой человек, еврей, крупный делец. Дела он вел всякого рода и во всем проявлял поразительную ловкость, сообразительность и верность суждений. Низенький, уже толстый не по росту, лысеющий, с пухлыми, розовыми, как у младенца, щеками, с жирными ручками, короткими ножками, он цвел какой-то нездоровой свежестью, а говорил с ошеломляющей быстротой.

На дочери маркиза де Равенеля он женился по расчету, чтобы найти в высшем свете, для него недоступном, поддержку своим спекуляциям. Правда, у маркиза было около тридцати тысяч годового дохода и только двое детей, но Андермат ко времени женитьбы нажил уже пять-шесть миллионов, хотя ему не было еще и тридцати лет, и успел подготовить почву для будущего урожая в десять-двенадцать миллионов. Де Равенель, человек нерешительный, бесхарактерный, слабовольный и непостоянный, сначала с негодованием отверг его предложение, переданное через третьих лиц, не допускал и мысли, чтобы его дочь могла стать женой какого-то иудея, полгода сопротивлялся, а потом уступил под давлением груды золота и лишь поставил условием, чтобы его внуки воспитывались в католической вере.

Но внуков все не было и как будто не предвиделось. Тогда маркиз, который два года подряд приезжал на анвальские воды и был от них в восторге, вспомнил, что брошюра док-

тора Бонфиля в числе прочих чудес обещала исцеление от бесплодия.

Маркиз вызвал дочь, и зять сам привез ее в Анваль, чтобы устроить жену как должно и, по совету своего парижского врача, поручить заботам доктора Латона. Приехав, он немедленно побежал за рекомендованным ему врачом и теперь подробно описывал симптомы недомоганий, наблюдавшихся у его супруги. В заключение он сказал, как огорчительно для него обмануться в своих надеждах стать отцом.

Доктор слушал, не прерывая, а когда Андермат кончил, обратился к молодой женщине с вопросом:

– Не желаете ли вы, сударыня, добавить что-нибудь?

Она ответила, приняв серьезный вид:

– Нет, ровно ничего.

– В таком случае будьте любезны переодеться: снимите дорожное платье, корсет и наденьте простой белый пеньюар, но только совершенно белый.

Госпожа Андермат удивилась; доктор с живостью принялся разъяснять свою систему:

– Боже мой, сударыня, это очень просто. Раньше существовало убеждение, что все болезни вызывает или испорченная кровь, или какой-нибудь органический порок, а теперь мы пришли к весьма простому предположению, что во многих случаях, а в особенности таком, как ваш, те неопределенные недомогания, которым вы подвержены, да и не только они, а даже серьезные расстройства, весьма серьез-

ные, смертельные, могут проистекать лишь оттого, что какой-нибудь орган под воздействием легко устанавливаемых причин ненормально увеличивается в ущерб соседним органам и разрушает всю гармонию, все равновесие в строении человеческого тела, изменяет или приостанавливает его функции, тормозит деятельность всего организма.

Достаточно вздутия желудка, чтобы появились симптомы болезни сердца, ибо сердце в этом случае, будучи приподнято и стеснено в движениях, работает неправильно, иной раз даже с перебоями. Увеличение печени или некоторых желез может вызвать угрожающие последствия, которые малонаблюдательный врач припишет совершенно иным причинам.

Итак, нам прежде всего необходимо установить, имеют ли органы больного нормальный объем и не смещены ли они. Зачастую какой-нибудь пустяк может совершенно подорвать здоровье человека. И поэтому я, сударыня, с вашего позволения, самым тщательным образом исследую вас и набросаю на вашем пеньюаре линии, обозначающие границы, размеры и положение ваших органов.

Он положил цилиндр на стул и говорил с жаром. Большой рот его открывался и закрывался, на бритых щеках западали две глубокие складки, и это придавало ему вид проповедника.

Андермат пришел в восторг:

– Вот это я понимаю! Поразительно! Как умно! Очень ново, очень современно!

«Очень современно» было высшей похвалой в его устах.

Молодую женщину все это страшно забавляло; она покорно поднялась, пошла к себе в спальню и через несколько минут вернулась, переодетая в белый пеньюар.

Доктор Латон уложил ее на кушетку, вынул из кармана карандаш с тремя графитами – черным, красным и синим – и принялся выстукивать и выслушивать свою новую пациентку, отмечая каждое свое наблюдение мелкими пестрыми штрихами на белом пеньюаре. Через четверть часа такой обработки пеньюар стал похож на географическую карту, где обозначены материки, моря, мысы, реки, государства, города со всеми их наименованиями, так как над каждой пограничной линией доктор надписывал два-три латинских слова, понятных ему одному.

Старательно исследовав г-жу Андермат, выслушав все внутренние шумы, все глухие или ясные тоны, получающиеся при выстукивании полостей тела, он вытащил из кармана записную книжку-алфавит в красном кожаном переплете с золотым тиснением, заглянул в таблицу и, раскрыв книжку, написал: «Наблюдение 6347. Г-жа А. 21 год».

Затем он перенес на соответствующую страничку все свои наблюдения, окидывая взглядом пациентку с головы до ног и читая разноцветные отметки на ее пеньюаре, как египтолог расшифровывает иероглифы.

Закончив запись, он объявил:

– Ничего тревожного, все в норме, есть только одно незна-

чительное, совершенно незначительное отклонение, от которого вас легко излечат углекислые ванны, не больше тридцати ванн. А кроме того, вам надо пить каждое утро до полудня три раза по полстакана минеральной воды. И больше ничего. Дней через пять я вас навещу.

Затем он встал, поклонился и вышел так стремительно, что поверг всех в изумление. Этот внезапный уход был театральным приемом собственного его изобретения, особым шиком, признаком оригинальности. Доктор Латон считал, что это манера очень хорошего тона и производит большое впечатление на пациентов.

Госпожа Андермат подбежала к зеркалу и, поглядевшись в него, вся затряслась от веселого детского хохота.

– Ох, до чего они смешные, просто уморительные! Неужели их только два? Наверно, есть еще третий. Покажите мне его скорее! Виль, сходи за ним, приведи, я хочу на него посмотреть.

Муж спросил удивленно:

– Как так «третий»? Почему «третий»?

Маркизу пришлось объясниться и извиниться: он немного побаивался своего зятя. Он сказал, что доктор Бонфиль был у него сегодня с визитом и он, воспользовавшись этим, привел его к Христиане, желая узнать мнение такого опытного врача, которому он вполне доверяет, к тому же коренного жителя Анваля, человека, открывшего источник.

Андермат, пожав плечами, заявил, что его жену будет ле-

читать только доктор Латон; и озадаченный маркиз стал обдумывать, как бы уладить дело, чтобы не обиделся его сердитый врач.

Христиана спросила о своем брате:

– Гонтран здесь?

Отец ответил:

– Да, приехал четыре дня тому назад со своим другом, Полем Бретињи, о котором, помнишь, он часто нам говорил. Они вместе путешествуют по Оверни. Побывали уже в Мон-Доре и в Бурбуле, а в конце будущей недели поедут отсюда в Канталь.

Затем он спросил у дочери, не хочет ли она отдохнуть до завтрака после ночи, проведенной в поезде, но она ответила, что прекрасно выспалась в спальном вагоне и только просит дать ей часок на то, чтобы помыться и переодеться, а после этого ей хочется посмотреть село и ванное заведение. В ожидании, когда она будет готова, отец и муж ушли в свои комнаты.

Вскоре она позвала их, и все трое вышли из гостиницы на прогулку. Г-жу Андермат сразу же восхитило селение, спрятавшееся в лесу, в глубине долины, и, казалось, со всех сторон замкнутое каштановыми деревьями высотой с гору. Эти вековые великаны волею случая разбросаны были повсюду – росли у ворот, во дворах, на улицах; кроме того, повсюду били родники, на каждом шагу высились черные камни, а оттуда, из просверленного маленького отверстия, вырыва-

лась светлая струя воды и, изгибаясь в воздухе дугой, падала в каменную колоду. Под сводами ветвей разливался свежий запах листвы и хлеба; овернки важной поступью медленно двигались по улицам или же стояли у порога и пряли черную шерсть, проворными пальцами ссучивая кудель с прялки, заткнутой за пояс. На них были короткие юбки, не закрывавшие худых лодыжек, обтянутых синими чулками, корсажи с помочами и холщовые рубашки с рукавами, из которых высовывались жилистые и сухие, костлявые руки.

Вдруг откуда-то донеслась музыка – странные, скачущие, прерывистые и хриплые звуки, как будто заиграла старая, разбитая шарманка.

– Что это такое? – воскликнула Христиана.

Отец засмеялся:

– Оркестр курортного казино. Всего четыре музыканта, а шуму сколько!

И он подвел дочь к стене деревенского дома, где наклеена была ярко-красная афиша. Жирными черными буквами на ней значилось:

АНВАЛЬСКОЕ КАЗИНО

Директор г-н Петрюс Мартель из Одеона
Суббота 6 июля

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ

Играет оркестр под управлением маэстро Сен-Ландри, лауреата консерватории, удостоенного второй премии. Партию рояля исполнит г-н Жавель, удостоенный первой премии консерватории. Флейта – г-н Нуаро, лауреат консерватории. Контрабас – г-н Никорди, лауреат Брюссельской королевской академии.

После концерта большое представление

ЗАБЛУДИЛИСЬ В ЛЕСУ

Комедия в одном действии г-на Пуантиле.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Пьер де Лапуант – г-н Петрюс Мартель из Одеона.

Оскар Левейе – г-н Птинивель из Водевиля.

Жан – г-н Лапальм из Большого театра в Бордо.

Филиппина – мадмуазель Одлен из Одеона.

Во время спектакля играет оркестр под управлением маэстро Сен-Ландри.

Христиана читала вслух, хохотала и удивлялась. Отец сказал ей:

– Погоди, они еще не так тебя позабавят. Пойдем посмотрим на них.

Они двинулись дальше и, повернув направо, вошли в парк. Больные степенно, чинно прогуливались по трем ал-

леям, подходили к источнику, выпивали предписанный им стакан воды и опять начинали шагать. Некоторые сидели на скамейках, чертили по песку тросточкой или кончиком зон-та. Они не разговаривали и как будто ни о чем не думали, все были какие-то полумертвые, зачарованные сонной одурью и курортной скукой. Только странные звуки музыки, неведомо откуда долетавшие, неведомо кем порожденные, сотрясали теплый, застывший воздух, проносились под деревьями, и, казалось, лишь они и приводили в движение уныло бродив-шие фигуры.

Кто-то крикнул:

– Христиана!

Она обернулась и увидела брата. Он подбежал, поцело-вался с ней, пожал руку Андермату, потом взял сестру под руку и быстро повел ее по аллее, опередив отца и зятя.

Между братом и сестрой начался веселый разговор. Гон-тран, высокий и элегантный молодой человек, был так же смешлив, как сестра, так же подвижен, как отец, и равноду-шен ко всему на свете, но вечно поглощен одной заботой – где бы достать тысячу франков.

– Я думал, ты спишь, – говорил он, – а то бы уж давно прибежал поцеловать тебя. Да еще этот Поль утащил меня сегодня утром на прогулку – посмотреть на замок Турноэль.

– Кто это – Поль? Ах да, твой друг.

– Поль Бретињи. Да, ты ведь с ним незнакома. Он сейчас принимает ванну.

– Он болен?

– Нет, но все-таки лечится. Недавно был адски влюблен.

– И поэтому принимает углекислые ванны! Так они, кажется, называются – углекислые? Хочет таким способом излечиться от любви.

– Да. Он делает все, что я ему веляю. У него рана, понимаешь, глубокая сердечная рана! Такой уж он бешеный, неистовый. Чуть не умер. И ее хотел убить. Она актриса, известная актриса. Он ее любил безумно! Ну, а она, разумеется, изменила ему. Была ужасная драма. Вот я и увез его сюда. Сейчас он немного оправился, но все еще думает о ней.

Сестра перестала улыбаться и сказала уже серьезным тоном:

– Интересно будет на него посмотреть.

Впрочем, слово «любовь» для нее почти не имело смысла. Иногда она думала о любви так же, как бедная женщина, живя в скудости, думает о жемчужном ожерелье, о бриллиантовой диадеме и на минуту загорается желанием иметь эти драгоценности, для нее такие далекие, но кому-то другому вполне доступные. Представление о любви она почерпнула из немногих романов, прочитанных от нечего делать, но не придавала ей большого значения. Она не отличалась мечтательностью и от природы была наделена душой жизнерадостной, уравновешенной и всем довольной. Замужество – а она уже была замужем два с половиной года – не нарушило той дремоты, в которой живут наивные девушки, дремоты

сердца, мыслей и чувств, – для иных женщин этот сон длится до самой смерти. Жизнь казалась ей простой и приятной, никаких сложностей она не видела в ней, не доискивалась ее смысла и цели. Она жила безмятежно, спокойно спала, одевалась со вкусом, смеялась, была довольна. Чего еще могла она желать?

Когда ей представили Андермата в качестве искателя ее руки, она сначала отказала ему с ребяческим негодованием. Что?! Выйти замуж за еврея! Отец и брат, разделявшие ее отвращение, ответили так же, как и она, решительным отказом. Андермат исчез с горизонта, притаился. Но спустя три месяца он дал займы Гонтрану свыше двадцати тысяч франков, да и у маркиза, по другим причинам, стало изменяться мнение. Он по самому существу своему не мог сопротивляться упорному натиску и всегда уступал из эгоистической любви к покою. Дочь говорила о нем: «Ах, папа, папа! Какая у него путаница в мыслях!» Это было верно. У него не было ни твердых взглядов, ни верований, а только восторженные, постоянно менявшиеся увлечения. То он проникался минутным поэтическим преклонением перед старыми родовыми традициями и желал короля, но короля разумного, просвещенного, идущего в ногу с веком; то, прочитав книгу Мишле² или какого-нибудь другого мыслителя-демократа, с жаром говорил о равенстве людей, о современных идеях, о требованиях бедняков, угнетенных и обездоленных. Он мог

² Мишле (1798–1874) – французский историк.

уверовать во что угодно, смотря по настроению, и когда старая его приятельница г-жа Икардон, имевшая связи в еврейских кругах, пожелала посодействовать браку Христианы с Андерматом, она знала, как подойти к маркизу и какими доводами его убедить.

Она утверждала, что для евреев, угнетенных так же, как был угнетен французский народ до революции, настал час мщения и теперь они будут угнетать других могуществом золота. Маркиз де Равенель, человек совсем не религиозный, был, однако, убежден, что идея бога очень полезна как законополагающая идея, что она крепче может держать в узде боязливых глупцов и невежд, нежели неприкрашенная идея справедливости, и поэтому с одинаково равнодушной почтительностью относился ко всем религиозным догмам, питал одинаково искреннее уважение к Конфуцию, Магомету и Иисусу Христу. Распятие Иисуса на кресте он отнюдь не считал наследственным грехом евреев, а только грубой политической ошибкой. Поэтому г-же Икардон достаточно было нескольких недель, чтоб внушить ему восторг перед непрестанной скрытой деятельностью евреев, повсюду преследуемых и всемогущих. И вдруг он стал другими глазами смотреть на их торжество, считая его справедливой наградой за долгое унижение. Он видел теперь в евреях властителей, которые повелевают королями – повелителями народов, поддерживают или низвергают троны, могут разорить и довести до банкротства целую нацию, точно какого-нибудь ви-

ноторговца, гордо посматривают на приниженных государей и швыряют свое нечистое золото в приоткрытые шкатулки самых правоверных католических монархов, а получают от них за это грамоты на дворянство и железнодорожные концессии.

И он дал согласие на брак своей дочери Христианы де Равенель с банкиром Вильямом Андерматом.

Христиана поддалась осторожному воздействию со стороны г-жи Икардон, подруги маркизы де Равенель и ближайшей своей советницы после смерти матери; к этому прибавилось воздействие отца, корыстное равнодушие брата, и она согласилась выйти за этого толстяка-банкира, который был очень богат, молод и не безобразен, но совсем не нравился ей, – так же согласилась бы она провести лето в какой-нибудь скучной местности.

А теперь она находила, что он добродушный, внимательный, неглупый человек, приятный в близком общении, но частенько смеялась над ним, болтая с Гонтраном, проявлявшим черную неблагодарность к зятю.

Гонтран сказал ей:

– Муж у тебя стал совсем лысый и розовый. Он похож на больной, разбухший цветок или на молочного поросенка... Откуда у него такие краски берутся?

– Я тут ни при чем, уверяю тебя! Знаешь, мне иногда хочется наклеить его на коробку с конфетами.

Они уже подходили к ванному заведению.

У стены, по обе стороны двери, сидели на соломенных табуретках два человека, покуривая трубки.

– Посмотри-ка на них, – сказал Гонтран. – Забавные типы! Сначала погляди на того, который справа, на горбуна в греческой шапочке. Это дядюшка Прентан, бывший надзиратель в риомской тюрьме, а теперь смотритель и почти директор анвальского водолечебного заведения. Для него ничего не изменилось: он командует больными, как арестантами. Каждый приходящий в лечебницу – это заключенный, поступающий в тюрьму; кабинки – одиночные камеры; зал врачебных душей – карцер, а закоулок, где доктор Бонфиль производит своим пациентам промывание желудка при помощи зонда Барадюка, – таинственный застенок. Мужчинам он не кланяется в силу того принципа, что все осужденные – презренные существа. С женщинами он обращается более уважительно, но смотрит на них с некоторым удивлением: в риомской тюрьме содержались только мужчины. Это почетное убежище предназначалось для преступников мужского пола, и с дамами он еще не привык разговаривать. А второй, слева, – это кассир. Попробуй попроси его записать твою фамилию – увидишь, что получится.

И, обратившись к человеку, сидевшему слева, Гонтран медленно, раздельно произнес:

– Господин Семинуа! Вот моя сестра, госпожа Андермат; она хочет записаться на двенадцать ванн.

Кассир, длинный, как жердь, тощий и одетый по-нищен-

ски, поднялся, вошел в свою будку, устроенную напротив кабинета главного врача, открыл реестр и спросил:

– Как фамилия?

– Андермат.

– Как вы сказали?

– Андермат.

– По слогам-то как будет?

– Ан-дер-мат.

– Так, так, понял.

Он медленно стал выводить буквы. Когда он кончил писать, Гонтран попросил:

– Будьте добры, прочтите, как вы записали фамилию моей сестры.

– Пожалуйста. Госпожа Антерпат.

Христиана, смеясь до слез, заплатила за абонемент, потом спросила:

– Что это за шум там, наверху?

Гонтран взял ее под руку.

– Пойдем посмотрим.

Они поднялись по лестнице; навстречу им неслись сердитые голоса. Гонтран отворил дверь, они увидели большую комнату с бильярдом посередине. Двое мужчин без пиджаков стояли друг против друга с длинными киями в руках и вели яростный спор через зеленое поле бильярда:

– Восемнадцать!

– Нет, семнадцать!

– А я вам говорю, у меня восемнадцать!

– Неправда, только семнадцать!

Это директор казино Петрюс Мартель из Одеона, как обычно, сражался на бильярде с комиком Лапальмом из Большого театра в Бордо.

Петрюс Мартель, тучный мужчина с необъятным животом, который колыхался под рубашкой и нависал над поясом брюк, державшихся на честном слове, лицедействовал во многих местах, потом обосновался в Анвале и, получив в управление казино, проводил все дни своей жизни в истреблении напитков, предназначенных для курортных гостей. Он носил огромные офицерские усы и с утра до вечера увлажнял их пивной пеной или сладкими, липкими ликерами, пылал неумеренной страстью к бильярду и, заразив ею старого комика своей труппы, завербовал его себе в партнеры.

С утра, не успев протереть глаза, они уже принимались сражаться на бильярде, переругивались, грозили друг другу, стирали записи, начинали следующую партию, едва решались урвать время для завтрака и никого не подпускали к зеленому полю.

Они распугали всех посетителей, но нисколько этим не смущались и были довольны жизнью, хотя Петрюса Мартеля в конце сезона ждало банкротство.

Удрученная кассирша с утра до вечера созерцала их бесконечную партию, с утра до вечера слушала их нескончаемые споры и с утра до вечера подавала двум неутомимым

игрокам кружки пива и рюмочки спиртного.

Гонтран увел сестру.

– Пойдем в парк. Там прохладнее.

Обогнув здание водолечебницы, они увидели китайскую беседку и игравший в ней оркестр.

Белокурый молодой человек исполнял роль скрипача и дирижера и, отбивая такт для трех диковинного вида музыкантов, сидевших напротив него, неистово дергал смычком, мотал головой, встряхивал длинной шевелюрой, сгибался, выпрямлялся, раскачивался направо и налево, превратив собственную свою особу в дирижерскую палочку. Это был маэстро Сен-Ландри.

Маэстро и его помощники: пианист, для которого ежедневно инструмент выкатывали на колесиках из вестибюля ванного заведения в беседку, огромный флейтист, который, словно спичку, сосал свою флейту, перебирая клапаны толстыми, пухлыми пальцами, и чахоточный контрабасист – все они в поте лица своего превосходно воспроизводили звуки испорченной шарманки, поразившие Христиану, когда она еще проходила по селу.

В то время как она остановилась посмотреть на них, какой-то господин поздоровался с ее братом:

– Доброе утро, дорогой граф!

– Здравствуйте, доктор.

И Гонтран познакомил с ним сестру:

– Моя сестра. Доктор Онора.

Христиана едва удерживалась от смеха: значит, нашелся и третий доктор.

– Надеюсь, вы не больны, сударыня? – с поклоном спросил ее доктор Онора.

– Немножко нездорова.

Он не стал расспрашивать и заговорил о другом:

– Знаете, дорогой граф, сегодня вам предстоит увидеть интереснейшее зрелище.

– Какое же, доктор?

– Старик Ориоль взорвет свой знаменитый «Чертов камень» в конце долины. Ах, вам это ничего не говорит, но для нас это – целое событие!

И он пояснил. Старик Ориоль – первый богач во всей округе (известно, что у него дохода больше пятидесяти тысяч в год), владеет всеми виноградниками, расположенными в том месте, где начинается равнина. Но лучшие его виноградники насажены по склонам небольшой горы, вернее, высокого холма, поднимающегося у самого села, в наиболее широком месте лощины. И посреди одного из этих виноградников, напротив дороги и в двух шагах от ручья, торчит исполинский камень, скорее, утес, который мешает возделывать почву и затеняет значительную часть этого клочка земли.

Уже лет десять дядюшка Ориоль каждую неделю все грозился, что взорвет свой Чертов камень, но никак не мог решиться на это.

Всякому парню, отправлявшемуся отбывать военную службу, он говорил:

– Как придешь на побывку, принеси малость пороха для моего Чертова камня.

И каждый молодой солдат приносил в своем ранце горсточку-другую краденого пороха для Чертова камня дядюшки Ориоля. Он набил целый сундучок этим порохом, а камень все стоял на своем месте.

Но вот уже целую неделю люди видели, как он долбит утес вместе со своим сыном, долговязым Жаком, по прозвищу Великан. А нынче утром они насыпали пороху в пустое теперь нутро огромной глыбы, потом замазали отверстие, пропустив в него фитиль-трут, который продается для курильщиков в табачной лавке. Подождут его в два часа. Взрыв произойдет минут через пять, через десять после этого, потому что фитиль очень длинный.

Христиана слушала рассказ с интересом, и ей захотелось посмотреть, как будут взрывать утес. Это напомнило ей какую-то детскую игру и показалось очень занятным ее наивному воображению.

Они дошли до конца парка.

– А куда дальше ведет лощина? – спросила Христиана.

– На «Край света», сударыня, – так называется прославленное у нас в Оверни ущелье. Это одно из любопытнейших чудес природы в наших краях.

Но в это время зазвонил колокол. Гонтран удивился:

– Смотрите, уже завтрак!

И они повернули обратно. Навстречу им по аллее шел какой-то высокий молодой человек. Гонтран сказал:

– Ну, милая сестренка, позволь представить тебе господину Поля Бретиньи.

Потом повернулся к своему другу.

– Это моя сестра, дорогой.

Христиана нашла, что приятель брата очень некрасив. У него были черные, коротко остриженные невьющиеся волосы, слишком круглые глаза с почти суровым выражением, и голова тоже была совершенно круглая и большая; такие головы напоминают почему-то пушечное ядро, да при этом еще у него были плечи Геркулеса и во всем облике что-то тяжеловесное и грубое, дикое. Но от его пиджака, от его сорочки и, может быть, от самой кожи исходил тонкий, нежный аромат духов, незнакомых Христиане, и она подумала: «Что это за духи?»

– Вы приехали только сегодня, сударыня? – спросил Бретиньи. Голос у него был несколько глухой.

– Да, сегодня, – ответила Христиана.

Гонтран заметил вдали маркиза и Андермата, которые знаками торопили их идти завтракать.

Доктор Онора простился с ними и спросил, действительно ли они намереваются посмотреть на взрыв утеса.

Христиана ответила, что пойдет непременно, и, потянув брата за руку, торопливо направилась к отелю.

– Я голодна, как волк, – тихонько сказала она, наклоняясь к Гонтрану. – Мне неловко будет есть при твоём друге.

ГЛАВА II

Завтрак тянулся бесконечно, как это водится за общим столом в гостиницах. Для Христианы все лица были незнакомы, и она разговаривала только с отцом и с братом, а после завтрака поднялась в свою комнату отдохнуть до прогулки к месту взрыва.

Она была готова задолго до назначенного часа и торопила всех, боясь пропустить любопытное зрелище.

За селом, в конце долины, поднимался высокий холм, скорее, даже небольшая гора; под знойным солнцем взобрались на него по узкой тропинке, змеившейся меж виноградниками, и, как только очутились на вершине, Христиана вскрикнула от восторга – такой широкий кругозор внезапно открылся перед ней. Во все стороны раскинулась равнина, беспредельная, бескрайняя, словно океан. Она простиралась ровная, гладкая, вся затянутая голубой, мягкой туманной дымкой, и где-то далеко-далеко, километров за пятьдесят-шестьдесят, чуть виднелись горы. Сквозь тонкую, прозрачную пелену, реявшую над этими просторами, глаз различал города, села, леса, большие желтые прямоугольники созревшей пшеницы, зеленые прямоугольники лугов, фабрики с высокими красными трубами и черные островерхие колокольни, выстроенные из лавы угасших вулканов.

– Обернись, – сказал ей брат.

Она обернулась и увидела горный кряж, усеянный вулканическими буграми. Ближе пролегала Анвальская лощина – широкая волна зелени, где смутно чернели узкие входы глубоких ущелий. Буйная лесная поросль карабкалась по уступам крутого склона до первого гребня, заслонявшего верхние отроги. Холм стоял как раз на границе равнинной и горной местности, и с него видно было, как горы цепью тянутся влево, к Клермон-Феррану, и как, удаляясь, вырисовываются в небе их странные усеченные вершины, похожие на чудовищные волдыри; это были вулканы, потухшие, мертвые вулканы. И в самом конце их гряды, между двумя горами, виднелась третья, еще дальше и выше их, округлая, величественная, увенчанная причудливыми зубцами каких-то руин.

Это был Пюи-де-Дом, король овернских гор, грузный и мощный великан, еще сохранивший на своей вершине развалины римского храма, словно венец, возложенный на его главу величайшим из народов.

Христиана воскликнула:

– О, как мне тут будет хорошо!

И в самом деле, ей уже было хорошо, тело и душу ее охватило то блаженное чувство, когда дышишь так вольно, когда движешься так легко и свободно, когда всего тебя пронизывает радость жизни оттого, что ты вдруг очутился в милом, как будто созданном для тебя краю и он ласкает, очаровывает, пленяет твой взгляд.

Кто-то крикнул:

– Госпожа Андермат! Госпожа Андермат!

Христиана увидела вдали доктора Онора, приметного по высокому цилиндру. Он подбежал и повел все семейство на другой склон, поросший травой, к опушке молодой рощицы, где уже собралось человек тридцать крестьян и приезжих господ.

Оттуда крутой откос спускался к риомской дороге, обсаженной тенистыми ивами, укрывавшими узкую речку; на берегу этой речки, посреди виноградников, возвышался остроконечный утес, а перед ним стояли на коленях, точно молились ему, двое мужчин. Это и был Чертов камень дядюшки Ориоля.

Ориоли, отец и сын, укрепляли фитиль. На дороге сгрудилась толпа любопытных, впереди выстроилась низенькая беспокойная шеренга мальчишек.

Доктор Онора выбрал для Христианы удобное место, она села, и сердце у нее так билось, как будто через минуту вместе с утесом должны были взлететь на воздух и все люди, теснившиеся внизу. Маркиз, Андермат и Поль Бретины легли на траву возле нее, а Гонтран смотрел стоя. Он заметил насмешливо:

– Доктор! Очевидно, вы меньше заняты, чем ваши почтенные коллеги; они не решились потерять хотя бы часок даже ради такого праздника.

Онора благодушно ответил:

– Я занят не меньше, только вот больные меня занимают меньше, чем их... По-моему, лучше развлекать пациентов, а не пичкать их лекарствами.

Он сказал это с лукавым видом, который очень нравился Гонтрану.

На холм карабкались и другие зрители, их соседи по табльдоту: две вдовы Пайль – мать и дочь, г-н Монекую с дочерью и г-н Обри-Пастер, низенький толстяк, который пыхтел, как надтреснутый паровой котел; в прошлом он был горным инженером и нажил себе состояние в России.

Маркиз уже успел подружиться с ним. Обри-Пастер с величайшим трудом уселся на землю, старательно проделав столько обдуманых подготовительных движений, что Христиане стало смешно. Гонтран отошел поглядеть на других любопытных, взобравшихся на холм.

Поль Бретињи показывал и называл Христиане видневшиеся вдали города и села. Ближе всех был Риом, выделявшийся на равнине красной полосой черепичных крыш, за ним – Эннеза, Маренг, Лезу и множество еле заметных деревьев, черными пятнышками испещривших зеленую гладь. А далеко, очень далеко, у подножия Форезских гор, Бретињи видел Тьер и все старался, чтобы и Христиана его разглядела.

Бретињи говорил, оживившись:

– Да вот он, вот он! Смотрите вон туда, прямо по направлению моей руки. Я-то его хорошо вижу.

Христиана ничего не видела, но не удивлялась, что он видит, – его круглые глаза смотрели пристальным, неподвижным взглядом хищной птицы, и, казалось, он все различал вдали, как в морской бинокль.

Он сказал:

– А посреди равнины перед нами течет Алье, но ее не увидишь, уж очень это далеко – километров тридцать.

Но Христиана и не пыталась разглядеть то, что он показывал: взгляд ее и все мысли притягивал к себе утес. Она думала о том, что вот сейчас этот утес исчезнет, разлетится прахом и больше его не будет на свете, и в ней шевелилось смутное чувство жалости, – так маленькой девочке жалко бывает сломанную игрушку. Утес стоял тут так долго, был такой красивый, так был у места в этой долине! А оба Ориоля уже поднялись на ноги и стали сбрасывать в кучу у его подножия мелкие камни, проворно и по-крестьянски ловко подхватывая их лопатами.

На дороге толпа все разрасталась и теперь придвинулась ближе, чтобы лучше было видно. Мальчишки облепили обоих крестьян, возившихся возле утеса, бегали и прыгали вокруг, словно разыгравшиеся щенки, а с вершины холма, где сидела Христиана, все эти люди казались совсем маленькими, какими-то букашками, суетливыми муравьями. Шум толпы долетал до нее еле слышным гулом, а то вдруг поднимался смутной разноголосицей криков, глухим топотом, дробился, таял и рассеивался в воздухе какой-то пылью зву-

ков. Вверху толпа также прибывала, люди все шли и шли из деревни и уже заняли весь склон напротив обреченной скалы.

Зрители перекликались, подзывали друг друга, собирались кучками – по случайному соседству в гостиницах, по общественным рангам, по кастам. Самой шумной была кучка актеров и музыкантов, которой предводительствовал и командовал антрепренер Петрюс Мартель из Одеона, оторвавшийся ради такого события от азартной партии в бильярд.

Усатый актер стоял, надвинув на лоб панаму, в легком пиджаке из черного альпага, и между полами горбом выпирало его обширное чрево, обтянутое белой рубашкой, так как он считал излишним носить жилет в деревенском захолустье; приняв повелительную осанку, он указывал, объяснял и комментировал каждое движение Ориолей. Директора окружали и слушали подчиненные: комик Лапальм, первый любовник Птинивель и музыканты – маэстро Сен-Ландри, пианист Жавель, слоноподобный флейтист Нуаро и чахлый Никорди, игравший на контрабасе. Впереди сидели на траве три женщины, раскрыв над головами зонты – белый, красный и синий, сверкавшие яркими красками в ослепительных лучах солнца, как своеобразный французский флаг. Под этими зонтами расположились молодая актриса мадемуазель Одлен, ее мамаша – мамаша напрокат, как острил Гонтран, – и кассирша кофейни, их неизменная спутница. Подобрать зонтики по цветам национального флага придумал Петрюс Мартель:

заметив в начале сезона, что у мамыши Одлен синий зонтик, а у дочки белый, он преподнес кассирше красный.

Неподалеку собралась другая кучка, не менее привлекавшая внимание и взгляды, – восемь поваров и поварят из гостиниц, все облаченные в белые полотняные одеяния. по причине конкуренции, чтобы произвести впечатление на придиричивых приезжих, содержатели ресторанов нарядили так всю кухонную прислугу, даже судомоек. Солнце играло на накрахмаленных колпаках, и эта группа походила не то на диковинный штаб белых улан, не то на делегацию кулинаров.

Маркиз спросил у доктора Онора:

– Откуда набралось столько народу? Вот уж не думал, что Анваль населен так густо.

– Отовсюду сбежались – из Шатель-Гюйона, Турноэля, из Рош-Прадьера, из Сент-Ипполита. По всем окрестностям давно шли разговоры об этом событии. К тому же дядюшка Ориоль – наша местная знаменитость, особа влиятельная, богач и настоящий овернец: он все еще крестьянствует, сам работает в поле, бережет каждый грош, все копит, копит, набивает кубышку золотом и раскидывает умом, как ему лучше устроить детей.

Торопливо подошел Гонтран и, весело блестя глазами, вполголоса позвал:

– Поль, Поль! Идем скорее. Я тебе покажу двух прехорошеньких девочек. Ну до того милы, до того милы, просто чудо!

Бретиньи лениво поднял голову.

– Нет, дорогой мой, мне и здесь хорошо. Никуда я не двинусь.

– Напрасно, ей-богу. Такие красотки!

И Гонтран добавил уже громче:

– Да вот доктор нам сейчас скажет, кто они такие. Доктор, слушайте: две юные особы, лет восемнадцати-девятнадцати, две брюнеточки, должно быть, деревенские аристократки; одеты очень забавно: обе в черных шелковых платьях, с узкими рукавами в обтяжку, как у монашенок...

Доктор Онора прервал его:

– Все ясно! Это дочери дядюшки Ориоля. В самом деле, обе они прелестные девочки и, знаете ли, воспитывались в Клермонском пансионе у «черных монахинь»... Наверняка обе сделают хорошую партию... Характером они не похожи друг на друга, но обе типичные представительницы славной овернской породы. Я ведь коренной овернец, маркиз. А этих девушек я вам непременно покажу...

Гонтран перебил его ядовитым вопросом:

– Вы, доктор, вероятно, домашний врач семейства Ориоль?

Онора понял насмешку и с веселой хитрецей ответил:

– А как же!

– Чем же вы завоевали доверие этого богатого пациента?

– Прописывал ему побольше пить хорошего вина.

И он рассказал забавные подробности домашнего быта

Ориолей, давнишних своих знакомцев и даже дальних родственников. Старик отец – большой чудак и страшно гордится своим вином. У него отведен особый виноградник на потребу семьи и гостей. Обычно удается без особого труда опорожнить бочки с вином от этих заветных лоз, но в иные урожайные годы бывает нелегко с ним справиться.

И вот в мае или в июне старик, убедившись, что вина остается еще много, начинает подгонять своего долговязого сына Великана: «А ну-ка, сынок, приналяжем!» Тогда оба принимаются за работу: с утра до вечера дуют литрами красное вино. За каждой едой отец раз двадцать подливает из кувшина в стакан своему Великану и приговаривает: «Приналяжем!» Винные пары горячат кровь, по ночам ему не спится; он встает, надевает штаны, зажигает фонарь, будит Великана, и оба спускаются в подвал, захватив из шкафа по горбушке хлеба; в подвале наливают в стаканы прямо из бочки, пьют и закусывают хлебом. Выпив как следует, так что вино булькает у него в животе, старик постукивает по гулкой пузатой бочке и по звуку определяет, насколько понизился в ней уровень вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.